

ს ა ქ ა რ თ ვ ე ლ ო ს ს ს რ მ ე ც ნ ი ე რ ე ბ ა თ ა ა კ ა დ ე მ ი ა
რუსთაველის სახელობის მართული ლიტერატურის ისტორიის ინსტიტუტი
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ РУСТАВЕЛИ

ACADEMY OF SCIENCES OF THE GSSR
THE RUSTAVELI INSTITUTE OF THE
HISTORY OF GEORGLAN LITERATURE

ლიტერატურული ძიებანი
ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ
LITERARY RESEARCHES

II

დაიბეჭდა ს. ქართველს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის
პრეზიდიუმის განკარგულებით

1905 — 1945

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის ნამდვილ წევრს
მეცნიერების დამსახურებულ მოღვაწეს
პროფესორს **კ მ რ ნ ე ლ ი ქ ე ქ ე ლ ი ძ ე ს**
სამეცნიერო მოღვაწეობის 40 წლისთავზე

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ
ПРОФЕССОРУ **К. С. КЕКЕЛИДЗЕ**
К 40-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DEDICATED TO EMINENT PROFESSOR **K. S. KEKELIDZE**
MEMBER OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE GEORGIAN SSR
in the 40-th year
OF HIS SCIENTIFIC CAREER

Г. Н. ЧУБИНАШВИЛИ

ИЗОБРАЖЕНИЕ СВЯТОГО КВИРИКЕ В ГРУЗИНСКОЙ ЧЕКАНКЕ

Среди большого числа различных произведений грузинской чеканки до сих пор только в одном монастыре Квирика и Ивлиты в Сванетии (Кала), так называемом Лагурка, сохранилось несколько древних икон с изображением мученика Квирикe. Монастырь этот, расположенный на высокой горе, как известно, является одной из особенно прославленных святынь Сванетии, т. е. он обладал и вплоть до революции сохранял свое обще-сванское, а не только местное для нескольких обществ, значение. Небольшая, как обычно, в Сванетии церковь монастыря сохранила фрагменты датированной на 1183 год росписи¹. Насколько и в других частях Грузии святой Квирикe пользовался почитанием, можно судить по посвященным ему церквам, значительная часть которых расположена на горных высотах, вдали от населенных пунктов, почему и горы, а в ряде случаев и—очевидно, позднее только созданные—поселения получали это же имя «Квирикe-Цминда». Таковыми являются, например, Квирикe-Цминда в Раче близ Земо-Крихи²; ц. Квирикe-Цминда в Лечхуме, упоминаемая в записи XIII—XIV века (в населенном пункте того же имени?), близ Лабечины³, ц. св. Квирикe и Ивлиты в сел. Лацориа в Лечхуме⁴, ц. св. Квирикe и Ивлиты на горе близ Душета⁵; или Квирикетис-Мта в Триалетии близ сел. Диди-Гомарети Зуртакетского с церковью Квирикe-Цминда⁶ и сел. Квирикети в Гурии на пути от Озургети до Шемокмеди⁷. Повидимому, тако-

¹ Ср. საქართველოს მუზეუმის მოამბე, ტ. VII, 1933, გვ. 348.

² Материалы по Археологии Кавказа, т. IV, Москва, 1894, стр. 127; გ. ბოქორიძე. რაჭის ისტორიული ძეგლები, საქ. მუზ. მოამბე, VII, 1933, გვ. 232—233.

³ ე. თაყაიშვილი. პრომეთე, № 1, 1918, გვ. 76; ე. თაყაიშვილი. არქეოლოგიური ექსპედიცია ლეჩხუმ-სვანეთში 1910 წ., პარიზი, 1937, გვ. 19—21 (рукопись А. 1565).

⁴ ე. თაყაიშვილი. არქეოლოგიური ექსპედიცია ლეჩხუმ-სვანეთში, გვ. 41—42, где хранилась также одна икона, поздняя, этих мучеников.

⁵ П. Иосселиани. Описание г. Душета, *Записки Кавказского отд. РГО*, т. V, 1860, стр. 26—27; *МАК*, VII, стр. 61.

⁶ ვახუშტი. აღწერა სამეფოსა საქართველოსა, თ. ლომოურის და ნ. ბერძენიშვილის რედაქციით, 1941, გვ. 41.

⁷ Д. М. Бакрадзе. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре, СПб., 1878, стр. 114.

7. ლიტერატურული ძიებანი, ტ. II, 1944.

наз. *Decretum Gelasianum* не был с самого начала официальным документом, несмотря на приданный ему во вступлении характер соборного постановления времен папы Дамасия I (366—384); да и время составления частью исследователей передвигается несколько позднее времени папства Геласия (492—496), впрочем не далее второй половины VI века. Однако, декрет этот был известен и использован Исидором из Севильи (570—636), но в сборниках канонических он впервые появляется в IX веке, а как неизменная часть состава их только после Бурхарда Вормского (1000—1025)¹. Так как установлено, что составление текста *de libris recipiendis et non recipiendis* сделано эрудитом, знатоком и любителем литературы, то включение жития Квирикe и Ивлиты в число апокрифических нужно понимать как отражение настроения и отношения образованных кругов V—VI века к такого рода текстам².

Так как художники, делавшие иконы с изображением св. Квирикe, в большей или меньшей мере должны были знать житие его, не могли его не знать, то естественно и нам прежде всего привлечь самый текст мученичества, чтобы учитывать, какие же стороны его могли или должны были быть отражены в иконах.

1

Сохранившийся грузинский текст мученичества св. Квирикe и Ивлиты акад. К. С. Кекелидзе указывает в рукописях Синайского монастыря и Иерусалимской патриаршей библиотеки³; кроме того Т. Д. Жордания отметил его также в одной рукописи бывш. Церковного музея⁴. Так как

св. Георгий в легенде, песне и обряде (Сборник отд. русск. яз. и словестн. Акад. Наук, т. XXI, № 2, СПб., 1880), стр. 59 прим. 2, где приводится текст этого параграфа и ссылки на издания. K r u m b a c h e r, S. 184, Anm. 2. Об обоих также I. B. A u f - h a u s e r, *Das Drachenwunder des hl. Georg in griechischer und lateinischer Überlieferung* (*Byz. Archiv*, Heft 5), Lpzg, 1911, S. 206—207.

¹ Сводку существующих исследований этого текста и всего вопроса дает Л е к л е р к (C a b r o l, *Dictionnaire d'archaeologie chrétienne et de liturgie*, t. VI, partie 1, Paris, 1924, col. 722—747 s. v. Gélasiens decret), подчеркивая ряд расхождений, как они высказаны в последних исследованиях E. von Dobschütz-a, R. Massigli и J. Charman-a (см. особ. 731—739).

² Окончательный текст установлен Д о б ш ю т ц е м (*Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis im kritischen Text herausgegeben und untersucht. Texte und Untersuchungen*, 1912, III. Serie, Bd. VIII, Teil 4); он перепечатан у Cabrol-я, l. c., col. 740—745. Апокрифические сочинения перечислены в разделе V (ab hereticis sive scismaticis conscripta) в § 8 рядом с посланиями Авгарю и от Авгаря на третьем и четвертом местах названы *Passio Cyrici et Julittae apocrypha*, и *Passio Georgii apocrypha*.

³ З. Зорзюль о д ж. 31, 1941, 33. 619, 689.

⁴ Описание рукописей Церковного Музея, т. I, Т. 1902, № 382, стр. 373 (под п. 11)

грузинская версия была до сих пор издана только в небольшом отрывке, полагаю желательным прежде всего опубликовать самый текст¹. Текст любезно проверил и приготовил в издаваемом виде доц. И. В. Абуладзе².

ივლისსა : იე :

წამებაჲ წმიდისა კვიკესი და დედისა მისისა
ივლიტაჲსი

საყუარელისა ძმისა და მოყუსისა ჩემისა და თანამოსაგრისა ზოსიმე ების-
5 კოპოსისა, მე თეოდორე, რომელი მადლითა და წყალობითა ღმრთისაჲთა ღირს-
ვიქმენ ებისკოპოსად იკონია ქალაქსა, მხიარულ იყავ ღმრთისა მიერ, საყუარე-
ლო ძმაო!

რამეთუ მტერსა აქუს ჩვეულებაჲ, ვითარმედ ბუნებასა შინა კაცთასა,
თესლსა შინა წმიდასა შეპირის ღუარძლი, ამისთვის შეუგავს შეილთა აღზრდილ-
10 თა წმიდისა ეკლესიისათა, რაჲთა ყოვლითა მორწმუნებითა დაიცვან თესლი,
იგი ღმრთის-მოშიშებისაჲ, რაჲთა არა შეერიოს რაჲმე, რაჲთა ოდეს აღიზარ-

¹ Текст списан по рк. б. Церковн. музея А. 382, находящейся в Музее Грузии. Г. Жордания относит рк. к XV веку; доц. Ил. Абуладзе считает ее рк-ю XVI, а м. б. даже и XVII века. Житие занимало 7 столбцов (неполных: в начале и в конце по 5 строк заняты другими текстами); в каждом столбце по 46 строк писанных нусхури (у Жордания описка: мхедрули); утеряна оборванная половина листа с первым столбцом (строки по 10 с. 101 печатного текста), от которого уцелели только по несколько букв начала и конца. Текст занимал лл. 52 verso до 54 recto (или по старой пагинации чернилом 55—57). () происхождении рукописи в описании нет данных; я заметил, пересматривая ее, на л. 16 г. внизу приписку шрифтом мхедрули: ქ. წმიდის გიორგის აღავერდისა ვარ. Тот же текст сохранился в пергаментной рукописи Синайского монастыря, писанной также в 2 столбца шрифтом нусхури и датируемой Н. Я. Марром X-ым веком (Н. Я. Марр, Описание грузинских рукописей Синайского монастыря, М.-Л., 1940, стр. 122—124: рк. № 62; он предполагает, что это м. б. по каталогу А. А. Цагарели. Памятники грузинской старины в св. Земле и на Синае, *Правосл. Палестинский Сборник*, вып. 10, СПб., 1888, стр. 217, рукописью за № 52). Отпечатаны у Марра начало и небольшие отрывки конца текста—все это полностью покрывает текст рк. А. 382. Текст рк. Иерусалимской библиотеки по Р. К. Блэйку № 33, XIII—XIV века, на листе 190 verso—197 verso, судя по заглавию и Incip., содержит ту же версию (R. P. Blake, *Catalogue des manuscrits géorgiens de la Bibliothèque patriarcale grecque a Jérusalem, Orient chrétien, 3-me série, t. III, Paris, 1923—24*). Н. Я. Марр описывает эту рукопись ва № 26; малого формата, письмом нусхури, на бомбицине (Антиох Стратиг, Пленение Иерусалима персами в 614 году. Грузинский текст издал Н. Я. Марр, *TR*, IX, СПб., 1909, исследования стр. 62 и 63).

² По отношению к строгим нормам классического языка X века допущено смягчение, продиктованное применением таких форм уже в Синайском списке X же века: а именно ე вместо ო в конце имен კვიკე, აღექსანდრე и др., или თქმულა вместо თქუმული.

ღოს და მოიწიფოს, ნაყოფად ტკბილად იყოს, რადთა ზრდიდეს სულთა მათ, რომელნი შეუდგანედ კუალსა მას წმიდათასა.

ესე მივწერე სიწმიდისა შენისა მიმართ, საყუარელო ძმაო, რამეთუ მოსწერე სიგლახაკესა ამას ჩემსა, რადთა გამოვიძიო ქალაქსა მას შინა იკონიას, თუ ვინ იყო წმიდაჲ ივლიტა¹, ანუ ძმ მისი წმიდაჲ კვრიკე, რადთა აღიწეროს წამებაჲ იგი მათი და მივიძღუანო შენ. და კაცთა მრავალთა დაუფარე, უცებთა, გამოუთქუმელი ესე წამებაჲ მათი თავით თუსით, რომელსა შინა არს მრავალი წინააღდგომად სამართლისაჲ და არა აქუს მადლი მოცემული² თქმულსა მას შინა მათსა. ხოლო ესე წამებაჲ მე მოვიძიე კელითა ჩემითა და წარვიკითხე, და ვპოვენი სიტყუანი შენნი სარწმუნო და მართლ, ძმაო ჩემო, ვითარცა⁴ 10 ასწავებს სარწმუნოებაჲ ჩუენი.

რამეთუ სიტყუანი პირველისა მის წიგნისა წამებისანი, ვითარცა ვმოხედ რად მყუარნი და ფუვიედ⁵ ჯინკველნი, ეგრეთ შესარაცხელ⁶ არიან სიტყუანი მათნი. და ესე აღწერილი, ვითარ ვჰგონებ⁷, დადვეს კაცთა დიდების-მოყუარეთა ანუ წარმართთა, რომელნი წინა-აღუდგებიან დიდებასა და⁸ მოძღურებასა 15 საღმრთოსა, და შეურაცხიეს⁹ ჯუარი ქრისტესი სიციოფედ და სირცხულად ჩუენდა.

ხოლო მე, ძმაო ჩემო, შემეურვა დიდად მცნებაჲ¹⁰ იგი შენი და ფრიად გამოვეძიებდ¹¹, რადთამცა ვპოვე წიგნი მათთჳს, რომელმანმცა მაუწყა ქრწმარითი წამებაჲ მათი, და არა ვპოვე. და კუალად¹² ვეძიებდ და ვიკითხევდ 20 მყოფთა ამათგან¹³ ამის ქუეყანისათა, უკუეთუ არს რადმე მათ თანა წამებაჲ ამათ წმიდათა მოწამეთაჲ¹⁴. და იყო კაცი ერთი მოშიში ღმრთისაჲ, სახელით მარკიანოს¹⁵, მწიგნობარი, და ზენუნ¹⁶ ბრძენი, და მამანი მათნი იყვნეს ქუეყანით საბერძნეთით. და მათ მითბრეს წმიდათა ამათთჳს¹⁷ მოწამეთა ესრეთ¹⁸. მათა¹⁹ უწყებულ იყო ესე ბერთაგან²⁰ კაცთა, პატიოსანთა და შერაცხილთა, 25 რომელნი-იგი იყვნეს ნათესავნი წმიდისა ივლიტაჲსნი, რომლისაჲ მარადის ჯერ არს მოჰსენებაჲ²¹ მისი, რომელი იყო ასული წარჩინებულთაჲ და ნათესავი მეფისაჲ. და წმიდაჲ იგი სახელი მისი პატივ-იცემების იკონიელთაგან, რამეთუ²² ცხორებასა მისსა უბიწოებით იქცეოდა და ჰმსახურებდა იგი ღმერთსა²³ სიწმიდით. და მათ რომელთა მაუწყეს მე აღასრულებდეს იგინი საჰსენებელსა მათსა 30 დაუცადებელად²⁴ ყოველთა წელთა²⁵.

და რაჟამს-იგი იყო გამოცხადებაჲ ქრისტეანეთაჲ²⁶ დღეთა მათ დიოკლიტიანე მეფისათა, კელმწიფე²⁷ იქმნა იკონია²⁸ ქალაქსა ზედა კაცი ვინმე²⁹ მსგავსი მკეტთა უდაბნოჲსათა და მოხარული დათხევასა სისხლთა³⁰ მოწამეთასა. და ესე წმიდაჲ ივლიტა მეოტ იქმნა ქალაქისა მისგან იკონიელთაჲსა³¹, და 35

1 ივლიტაჲ S. 2 მოცემულ S 4 ვითარცა ST (აქიდან იწყება T, მასში წინ იკითხვის. „კრტსნო, და მას შინა ვპოვე“). 5 ფუვიედ S. 6 შერაცხილ S. 7 ვჰგონებთ S. 8 დიდებასა და abs S. 9 შეურაცხიეს S. 10 ცნობაჲ S. 11 გამოვეძიებდ T. 12 კუალადცა T. 13 მათგან S. 14 მოწამეთა S. 15 მარკიანოს S. 16 ზენუნ S. 17 მათთჳს S. 18 ესრეთ S. 19 მათა] და მათდა S. 20 ბერთაგან] ბერძენთაგან S. 21 მოხსენებაჲ T. 22 რამეთუ] და S. 23 „ მსახურებდა ღ“ იგი S. 24 დაუცადებელად] გაუწყუედღლად S. 25 ყოველთა წელთა abs. T. 26 ქრისტეანეთა T. 27 კელმწიფე S. 28 იკონიას S. 29 ვინმე abs. S. 30 სისხლსა S. 31 იკონიელთა T.

მის თანა ორნი მკვეალნი მისნი და ძმ მისი მცირე¹ სამისა წლისაჲ², და სახელი მისი³ კვრიკე. და დაუტევა მონაგები ფრიადი. და მიიწინეს ქალაქად დიდად სელევკიად. და მუნცა პოვა შეძრწუნებაჲ ქრისტეანეთა ზედა, რამეთუ კელმწიფე იყო ქალაქსა მას ზედა ალექსანდროს⁴, რომელი მოვლინებულ იყო 5 დიოკლიტიანეს მიერ მეფისა უღმრთოჲსა.

მას ჟამსა გამოჲდა ბრძანებაჲ ყოველსა საბრძანებელსა მისსა, რადთა ყოველითა ფერითა სატანჯველითა მოსწყუედდენ ყოველთა ქრისტეანეთა, რომელნი არა უზორვიდენ კერპთა, რომელთა იგი სახელ-სდებდა ღმერთთა. და წმიდამან ივლიტა განიზრახა სიტყუაჲ იგი წერილისა, რომელსა იგი იტყვს: „ად- 10 გილ ეც რისხვასა“ და წარივლტოდე სხუად კერძო*. და რამეთუ მუნითცა ეგულვა სივლტოლაჲ⁵ ტარსონდ⁶ კილიკიადსასა, და ნებითა ღმრთისაჲთა შეიპყრა ესე⁷ მსახურთაგან ალექსანდრე კელმწიფისათა⁸, ბოროტის-მოყუარისა უკეთურისათა⁹. და შეიპყრეს¹⁰ წმიდაჲ ივლიტა, და ძმ¹¹ იგი მისი აქუნდა მჭართა მისთა ზედა, ყრმაჲ მცირე¹², სახელით კვრიკე.

15 და ვითარცა შეიპყრეს წმიდაჲ ივლიტა, მკვეალთა მათ მისთა დაუტევეს და ივლტოდეს, და შორს დგეს და ჰხედვიდეს მას, რად-ძი უყონ მას. და ვითარცა წარდგა წინაშე საყდარსა მას, ჰკითხა მას ალექსანდროს და ჰრქუა: „რად არს სახელი შენი, ანუ რომლისა ნათესავისაგანი ხარ?“ ხოლო იგი სიხარულით და მხიარულებით სახელ-იდებდა სახელსა ზედა ქრისტესსა და იტყო- 20 და, ვითარმედ: „ქრისტეანე ვარ“. და ამის სიტყვსათჳს განრისხნა მეფე¹³ და უბრძანა ყრმისა მის მოღებაჲ მისგან. ხოლო ყრმაჲ იგი იყო ხატითა შუენიერ¹⁴ და არარაჲ იცოდა საქმე კაცთა სიყრმისაგან მისისა. და უბრძანა განძარცუვაჲ წმიდისა ივლიტაჲსი¹⁵ კელმწიფემან მან, და დამოკიდებაჲ მისი ზე, რადთა სცემდენ მას ღუედითა უზელეღითა. და ვითარცა მოუღეს ყრმაჲ იგი 25 მსახურთა მათ დედისაგან თჳსისა, ტიროდა და უნდა, უკუნქცევაჲ დედისავე თჳსისა. ხოლო მსახურთა მათ შეიპყრეს ყრმაჲ იგი და მისცეს კელმწიფესა მას, და დედასა მას მისსა ზედა აღასრულეს ყოველი იგი ბრძანებაჲ მისი. და სცემდეს მას უწყალოდ. და იგი არარაჲს იტყოდა თჳნიერ ამისა, ვითარმედ: „ქრისტეანე ვარ და ეშმაკთა არასადა უზორო“¹⁶.

30 და წმიდაჲ იგი ივლიტა მოითმენდა ყოველთა მათ სატანჯველთა ვითარცა ძეგლი უსულოჲ, და მასვე პირველსა სიტყუასა იტყოდა და არა დასცხრებოდა. კელმწიფესა მას უშჯულოსა აქუნდა ყრმაჲ იგი კელთა თჳსთა ზედა და აღუმებდა მას ტირილისაგან მისისა, და მუჯლთა თჳსთა ზედა დაის(უ)ა იგი და უნდა, რადთამცა აკოცა მას. ხოლო წმიდაჲ იგი ყრმაჲ დედისა მიმართ იხედვი- 35 და, და პირი მისი გარე მიიქცია კელმწიფისა მისგან ალექსანდრესა, და კელითა თჳსითა აქენებდა პირსა მისსა, რადთა არა მიეხოს მას. ფრჩხილებითა თჳსი-

1 ძე მისი მცირე T. 2 წლისა T. 3 და სახელი მისი] სახელით S. 4 ალექსანდროს T. 5 სივლტოლა T. 6 ტარსუნდ S. 7 ესრე S. 8 კელმწიფისა მის S. 9 უკეთურისათა abs. S. 10 შეიპყრეს S. 11 ძე T. 12 მცირე T. 13 მეფე T. 14 შუენიერ T. 15 ივლიტასი T. 16 უზორო T.

* რომ. 12, 19.

თა მოჭტორცხენდა პირსა მისსა, და ვითარცა მართუესა გურიტისასა¹ ამსგავსებნ ჳმასა დედისა თჳსისასა, ეგრეთვე წმიდაჲ ესე ყრმაჲ მიემსგავსა წმიდასა მას ჳმასა დედისა თჳსისასა და იტყოდა იგიცა სიტყუასა მას, ვითარმედ: „ქრისტე-ანე ვარ მე“. და მიამთხზა მან ფერჳი თჳსი ცხზრთა მის ჳელმწიფისათა ჩუეულე-ბისაებრ² ყრმათასა, რამეთუ კადნიერ არიედ ყრმანი უშიშად ყოვლისაგან-ვე. ხოლო ჳელმწიფე³ იგი ვითარცა მჳეცი მძვნვარე⁴ განრი(ს)ხნა წმიდისა მის ყრმისა ჳედა, და ჳეშმარიტად მჳეცი იყო ბოროტი და არაკაცი. ამისთჳს რამეთუ არა იპოვა მის თანა წყალობაჲ ყრმასა ჳედა უცებსა და ჩიჳლსა, რომელმან არარაჲ იცოდა, რასა იჳმოდა. და⁵ უპყრნა ფერჳნი მისნი⁶ ყრმასა მას და⁷ გარდასტყორცა იგი. და დაეცა იგი, წმიდაჲ⁸ ყრმაჲ, პირსა ჳედა თჳსსა, პა-რეხსა ჳედა საყდრისა მისისასა. და განიტჳნა⁹ იგი მას ჳედა, და აღგილი იგი აღივსო სისხლითა მით¹⁰ მისითა.

და ესრეთ¹¹ აღესრულა წამებაჲ იგი¹² წმიდისა კჳრიკესი¹³, და სული თჳსი შე(ჳ)ვედრა ჳელთა ქრისტესთა. და აღესრულა სიტყუაჲ იგი, რომელი-იგი თჳთუა სოლომონ ბრძენმან, ვითარმედ: „სულნი მართალთანი ჳელთა შინა ღმრთი-სათა და არა შეეხოს მათ ბოროტი“*.

და წმიდამან ივლიტა ვითარცა იხილა¹⁴, ვითარმედ ნაყოფმან მუცლისა მისისამან მოილო წამებაჲ მისი, ესრეთ აღივსო იგი სიხარულითა. და ილოცვიდა ესრეთ და იტყოდა: „გმადლობ შენ ქრისტე, რომელმან ღირს მყავ მე, რაჲთა ვიხილო შვილი ჩემი აღსრულებად წამებისა შენისა პირველ ჩემსა, რაჲთა მიიღოს გჳრგჳნი დაუჳნობელი“.

და ვითარცა ესმეს სიტყუანი ესე მსაჯულსა მას, განრისხნა იგი გულის-წყრომითა დიდითა, იტყოდა რაჲ ამას წმიდაჲ ივლიტა. და უბრძანა დამოკიდებაჲ მისი და ფიცხლად გუემაჲ¹⁵ მისი. და ჳულადცა უბრძანა, რაჲთა მოიღონ ფისი აღდულებული ჳუაბისაგან და დაასხან ფერჳთა მისთა ჳედა. და ჳულად უბრძანა, რაჲთა ჳრჳუან მას ჳმითა მალლითა: „ივლიტა, შეიწყალე თავი შენი და უზორე ჳერპთა, და განერე შენ მრავალფერთაგან სატანჯველთა, და ნუ მოკუდები ძისა შენისა სიკუდილისაებრ“. ხოლო წმიდაჲ იგი ჳმითა ძლიერითა იტყოდა, ვითარმედ: „ემშაკთა არასადა უზორო, არამედ ქრისტესა თაყუანის-ვსცემ მე, ძესა ღმრთისასა მხოლოდსა რომლისა მიერ დაჳბადა მამამან ყოველი სოფელი, და ამას მოსწრაფე ვარ მე, რაჲთა შეუდგე ჳულსა ძისა ჩემისასა, რაჲთა ღირს ვიჳმნე მის თანა მისლვად სასუფეველსა ცათასა“.

და ვითარცა იხილა¹⁶ უღმრთომან მან წმიდაჲ იგი მდგომარე¹⁷ ძლიერებით და ჳმადლობდა¹⁸ ღმრთისა მიმართ, უბრძანა, რაჲთა მოჳჳუეთონ¹⁹ მახჳლითა თავი მისი და დააგდონ იგი გუამსა თანა ძისა მისისასა ბოროტის-მოჳმედთა თანა. ხოლო მსახურთა მათ მის უღმრთოჲათა მოსდევს საბელი პირსა

1 მართუევსაჲ გურიტისაჲ T. 2 ჩუეულეებისაებრ T. 3 ჳელმწიფე T. 4 მძვნვარე T. 5 და abs. S. 6 უპყრა ფერჳი მისი S. 7 ყრმასა მას და abs. S. 8 წმიდაჲ იგი S. 9 გრტჳნა S. 10 მით abs. S. 11 ესრეთ S. 12 იგი abs. S. 13 კრესი ST. 14 იხილჲ T. 15 გუშმაჲ T. 16 იხილჲ T. 17 მდგომარე T. 18. მდლბდ T. 19 მოჳჳუეთონ T.

* სიბრძნე 3,1.

მის წმიდისასა და მიიყვანეს იგი ადგილსა მას საცნაურსა, სადა-იგი მოსწყვდ-
ნიან წმიდანი მოწამენი, რაჲთა აღასრულონ ბრძანებაჲ იგი მსაჯულისა მის.

ხოლო წმიდაჲ იგი ივლიტა ევედრა მსახურთა მათ, რაჲთა დრო უყონ
წმიდასა მას მცირედ და ილოცოს მან უფლისა მიმართ ღმრთისა მისისა. და
5 დათ ნებაჲ სცეს მას მცირედ. ხოლო წმიდამან ივლიტა მოიდრიკნა მუტლნი თუხნი
და ესრეთ იტყოდა: „გმაღლობ შენ ქრისტე, ძეო ღმრთისაო, რომელმან უწო-
დე ძესა ჩემსა პირველ ჩემსა, და ღირს ჰყავ¹ იგი, რაჲთა დაუტეოს ცხორებაჲ
ესე ამაოჲ, და მიიყვანე იგი ცხორებასა მას დაუსრულებელსა. და კუალად აწ
მეცა გევედრები, მკვეალი ესე შენი, რაჲთა ღირს ვიქმნე ამას წოდებასა, რაჲ-
10 თა შევირაცხო² მეცა რიცხუსა მას ბრძენთა მათ თანა ქალწულთა, რომელნი
ღირს იქმნეს შესლვად სასუფეველსა შენსა. და სული ჩემი აქებს და აკურთხევს
მამასა შენსა, ქრისტე, მპყრობელსა ყოვლისასა, და სულსა წმიდასა უკუნითი
უკუნისამდე“.

ხოლო მეგრმლემან მან ივალა მახული თუხი და წარჰკუეთა თავი წმიდასა
15 მას გარეგან ქალაქისა, და დაადო პატიოსანი იგი გუამი მისი გუამსა თანა
ძისა მისისასა. და აღესრულა წამებაჲ წმიდისა კვრიკესი³ და დედისა მისისა
ივლიტადსი⁴ თუესა⁵ ივლისსა ათხუთმეტსა. და შემდგომად დღისა მის მოვი-
დეს მკვეალნი იგი მისნი და აღიხუნეს გუამნი იგი წმიდათა მოწამეთანი, და
ლამე ყოველ ვიდოდეს და დამალნეს იგინი ქუაბსა შინა. და დაჰფლნეს იგინი
20 მიწასა საზღვარსა ტარსონისასა, ვიდრე ჟამადმდე კოსტანტინე მეფისა
ღმრთის-მოშიშისა. და ერთი მკვეალთაგანი მის წმიდისათა დაშთა ცხორება-
სავე ამას შინა. და ვითარცა გამოცხადნა ჰეშმარიტებაჲ და წმიდათა ეკლესია-
თა მიიღეს სიხარულით⁶ მადლითა ქრისტესითა. პირველ მოკსენებულმან
მან მკვეალმან⁸ მოილო პყრობაჲ მის ადგილისაჲ⁹, რომელსა შინა ისხნეს
25 გუამნი იგი¹⁰ წმიდათა მათ მოწამეთანი. და თითოეული მორწმუნეთა მათგანი¹¹
მოსწრაფე იყო, რაჲთა მიიღონ გუამთა მათ წმიდათაგან¹² ნაწილი საცხორებე-
ლად სულთა მათთა.

ესე სიტყუანი მოვსწერენ შენდა¹³, რამეთუ ჰეშმარიტ არიან, ასწავე თავ-
სა შენსა, რომელსა-ეგე¹⁴ გიყუარს ღმერთი. და შენ კუალად მიეც ესე კაცთა
30 მორწმუნეთა, და მათ¹⁵ კუალად მსგავსად ძალისა ასწავონ კაცთა სხუათა¹⁶.
და უწამებდენ ყოველსა ერსა სიტყუთა და საქმითა, რაჲთა არა დაიჯერებდენ
პირველთა მათ თქ(უ)მულთა, რომელნი-იგი ითქუნეს ამათ წმიდათათუხს. არამედ
რაჲთა ჰეშმარიტი შეიწყნარონ¹⁷ უფლისა ჩუენისა მიერ იესუ ქრისტესა, ძისა
და¹⁸ ღმრთისა, რომლისა არს დიდებაჲ და ძლიერებაჲ და თაყუანის-ცემაჲ თანა
მამით და სულით წმიდითურთ აწ და მარადის და უკუთითი უკუნისამდე, ამენ.

1 ყავ T. 2 შევირაცხოჲ T. 3 კ'ესი T. 4 ივლიტასი T. 5 თუესა T. 6 სიხარული S
7 მოხსენებულმან T. 8 მკვეალმან abs. S. 9 ადგილისა T. 10 იგი abs. S. 11 მორწმუნე ამათ-
განი S. 12 „ მათგან წმიდათა S. 13 მოგწერენ შენ S. 14 რომელსა-იგი S. 15 ამათ S. 16 სხ'დ-
თა T. 17 შეიწყნაროთ S. 18 და abs. S.

Приведенный грузинский текст, конечно, переводный с греческого оригинала, написанного, как о том сообщается во введении иконийским епископом Федором для своего сподвижника Зосимы, неудовлетворенного существовавшими писаниями и поэтому как бы стимулировавшего сбор на месте происшествия сведений от надежных лиц, которые и поименованы затем, именно Маркиан и философ Зенон. Акад. К. С. Кекелидзе регистрирует этот текст среди древних, не метафразированных агиографических памятников (как „кимен“)¹. Греческий текст этого жития отпечатан вместе с текстами Иоанна Ксифилина, являющегося, как установил акад. Кекелидзе, продолжателем Симеона Метафраста и писавшего в последнее двадцатилетие XI-го века². Он отличается от грузинского текста кое-где расширенной риторикой и большим многословием³. В частности греческий текст Зосиму именует дополнительно *συνεπισκόπος* (сар. 1), а Маркиана *τριβουνοτάριος καὶ καρχαλλάριος, γένόμενος Ἰουστιανοῦ τοῦ βασιλέως* (сар. 3). Эта отметка о том, что Маркиан, давший сведения о мучениках, был чиновником императора Юстиниана, выдавала житие памятником эпохи Юстиниана, т. е. VI века. В греческом тексте есть и другие „уточнения“, которые, кажется, естественнее считать добавлениями к более простому первоначальному тексту, сохраненному грузинским переводом.

Отпечатанный Migne-ем греческий текст по рукописи 1004 года называет автором, как и грузинский текст, иконийского епископа Федора, о котором—по справке Migne-я—ничего не знает и ученый ватиканский монах, грек с о. Хиоса, Лев Алляций (1586—1669), который, однако, отмечает, что вместе с обработкой нового, взамен апокрифического, описания мученичества св. Георгия также составлением мученичества Квирике и Ивлии в конце IX—начале X века занялся пафлагонец Никита Давид, философ⁴.

Грузинскому тексту и еще ближе, видимо, греческому отвечает—по любезной справке, которую сделал доц. И. В. Абуладзе—армянский текст. Относительно сирийской и арабской версий известно по работе

¹ *ქობულთი ლიტურჯტურის ისტორია*, 2, 1941, დამატება 2.

² К. С. Кекелидзе. Иоанн Ксифилин, продолжатель Симеона Метафраста *Христ. Восток*, т. I, СПб., 1912, стр. 325 слл.

³ Migne. *Patrologia Graeca*, t. 120, col. 165—172 (есть ссылки на новое издание в *Analecta Bollandiana*, I, 1882, p. 192—207, которое мне не удалось привлечь, также как посмотреть первое издание Д. Папелброха. *Acta Sanctorum, Junii tomus III*, pp. 23—28).

⁴ Leo Allatius. De Nicetis, in: Angelo Mai, *Nova Patrum Bibliotheca*, tomus VI. Romae 1853, pars 2, p. 5 (эту справку дает Krumbacher, *Der hl. Georg*, S. 185).—Время деятельности Никиты Давида, обычно определяемое предполагаемой смертью в 890 году, Хр. Лопарев уточнил на са. 830—915 гг. (*Виз. Врем.*, XX, 1913, стр. 20 слл.; также ср. А. Ehrhard, in: Krumbacher, *Der hl. Georg*, S. 182—183). Указаний на составленный Никитой Давидом текст мне не довелось повстречать.

Дильмана, что они составляют одну группу с древнейшей латинской отпечатанной Папebroхом, в которой хотя и «не заключается ничего специфически еретического, но однако фантастического в изобилии»¹.

Так как древнейшее, признанное апокрифическим еще в V—VI веке мученичество Квирикe и Ивлиты, переведенное, как следует из *Decretum Gelasianum*, и на латинский язык, было рано уже отвергнуто, то естественно появление новых, удовлетворяющих церковь версий, не только греческих, но и латинских. И действительно, из Западе бенедиктинский монах в мон. Эльно близь г. Турнэ (Goumai) во Фландрии по имени Hucbaldus, живший около 840—930/2 гг., составляет новый латинский текст мученичества свв. Квирикe и Ивлиты (*passio SS. Cyrici et Julittae*)². Очевидно, что Hucbald не имел в руках греческого, подписанного иконийским епископом Федором извола, но надобность составить новый ввиду отверженности древнего была совершенно очевидна, как он оттеняет во вступлении: ... imo ut foetida respuentes, stercora illa frivola quae a quodam idiota mimographo et falsiloquo de ipsis scabroso nimis stilo sunt ineptissime edita: et idcirco a fidelibus Christicolis, maximeque a beato Blasio papa jure inter multa sunt ut aprocrypha repudiata (col. 852). Составленное же им мученичество еще несравненно более риторическое, многословное прославление, с обильными цитатами из Писаний, чем греческое; оно совершенно лишено не только конкретных фактов, но даже и того намека на психологическое правдоподобие рассказанного о ребенке, которое есть, например, в нашем грузинском тексте. Указание на время мученичества у Hucbald-a также отличается: compleverunt hi sancti... sexto decimo Kal. Jul., tempore Alexandri imperatoris, qui coepit anno Domini ducentesimo vigesimo quarto (col. 858). А в начале точнее определяет, что бегство их в Тарс и мученичество произошло в 226 году при Аврелии Александре, двадцатом импера-

¹ A. Dillman n. Über die apokryphen Märtyrergeschichten des Cyriacus mit Julitta und des Georgius, *Sitzungsberichte der Kgl. Preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin*, 1887, Band XXIII (1. Halbband), S. 339—356.

Эти версии не покрывают друг друга полностью. Латинская напечатана Д. Папeбpoxом, AA. SS. Junii tom. III, pp. 28—34 (с делением на 24 параграфа), сирийская и арабская даны Дильманом в пересказе с частичным переводом отдельных цитат, важных для подтверждения положений его анализа. Дильман смог из сравнения установить, что они переработка первоначального „отверженного“ текста, при чем в восточных версиях сохранилось больше от первоначального содержания, чем в латинской (340). Содержание переработки таково, что ни о какой действительной истории, лежавшей в основе изложения, хотя бы и сказочно разукрашенной, не приходится думать (345, 350—351). Теперь в речах еретический характер выправлен, но все-таки восточные версии сохранили кое-где ясные совпадения с гностическими писаниями, как гностический гимн и др. места в *Acta Thomae* (346 сл.) и житие Феклычи Павла (349 сл.). Специфически манихейского же в этих текстах Дильман ничего не находит (351—352).

² Migne. *Patrologia latina*, t. 132, col. 851—858.

торе после Октавиана Цезаря Августа. т. е. при Александре Севере (222—237 гг.) и при папе римском Калликсте (217—222 гг.), шестнадцатом после Петра апостола (col. 852).

Husbaldus рассказывает затем, что «по прошествии многих лет» епископ оксерский (Eutissiodorensis) св. Аматор (388—418 гг.) и комес Савин перенесли мощи мучеников в пределы Галлии, оставив в доме Савина только ручку мальчика (*solo tantum pueri brachio: col. 858*). С другой стороны в Равенне (Италия) сохранился мраморный реликварий, служивший для хранения мощей свв. Квирике и Ивлиты, доставленных в Равенну во времена Галлы Пластидии (ca. 390—450)¹. По свидетельству же русских паломников XII—XV вв., как сообщает арх. Сергей, мощи Квирике были в Софии². В параллель к сообщению Husbald-a не безынтересно отметить, что грузинская церковь, среди большого числа всяких безименных мощей, почитавшихся по разным церквям и монастырям, твердо хранила указание, что в Хопском монастыре в Мингрелии среди реликвий, в особом ковчеге вместе с рубашкой богородицы, имелась кисть руки младенца Квирике. Ее показывали и русским послам Федоту Елчину и свящ. Павлу Захарьину в 1640 году, а через 10 лет стольнику Никифору Толочанову и дьяку Иевлеву—«Кирика мученика ручка левая по запястья»³. Таким образом, и по отношению Квирика повторилась обычная история—показ тех же мощей в различных местах.

В конце XII-го века была написана еще одна латинская *Passio* святых Квирика и Ивлиты, матери его, «*cum sociis cogum*». Автор этого мученичества премонстратензский аббат Филипп de Harveng (ум. в 1182 г.) также не знает греческого жития, написанного Федором, а явно следует и руководствуется текстом Husbald-a в тех скудных quasi-фактических данных, как упоминание Аврелия Александра в Гарсе и др.⁴.

¹ C. R. Morey. *Early christian art*, Princeton, 1942, p. 213, note 198.

² Архиепископ Сергий, *Полный месяцеслов Востока*, II т., Владимир 1901, стр. 271—272.

³ С. А. Белокуров. *Материалы для русской истории*, Москва, 1888, стр. 333 и 373; упоминается и в *Описи памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии* Н. Кондакова и Дм. Бакрадзе, СПб., 1891, стр. 92 и 91 под № 12. М. А. Полиевктов. *Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652*. Т. 1926, стр. 159, где названа «рука правая, по запястье, во плоти, как есть живого человека». (В 1923 году ручка была зарегистрирована музейной комиссией НКПроса).

⁴ Migne. *Patrologia latina*, t. 203, col. 1299—1309. К тексту мученичества Филиппа de Harveng присоединил еще речь на *translatio* Husbald-ом мощей Квирика в ораторий S. Amandi ad coenobium Elnonense—in medio templi atrio locatus (col. 1309—1312).

Характерно, что это имя Александр, в качестве градоправителя Иконии, находится уже в переработанной, правда, но сохранившей, еще довольно явные следы гности-

Из текста нашего жития для средневекового художника, золотых дел мастера или какой иной специальности, задумавшего изобразить Квирике, существенными являются, кроме того что он почитался перковью мучеником, только два момента: он ребенок трех лет и знатного, царского происхождения. Действительно, эти моменты отразились в существующих грузинских чеканных иконах, но не будь в нашем распоряжении всего наличного набора этих 9 изображений—возможно, что факты эти не удалось бы полностью наблюдать и выявить.

Сохранившиеся в Кале иконы с изображением Квирике, основной блок для всей верхней Сванетии и, сколько известно, всей Грузии вообще, в большинстве не являются повторением одна другой; представляя характерные разновидности, вместе с тем все они так или иначе связаны между собою. Отдельные из данных икон XI века указывают на существование образцов, повторением которых (несколько только более поздних) они являются. Это многообразие типов, мне кажется, естественно оправдывается и увязывается с особенной излюбленностью в феодальных кругах Грузии X и XI веков имени Квирике, т. е. многочисленностью заказов на изготовление икон патрона заказчика. Таковы, несколько правителей Кахетии или выделяемые акад. К. С. Кекелидзе духовные деятели, как Квирике Мидзнадзорели, Сохастрели, Александриели и др.¹

Иконы святого Квирике изображают его стоящей фронтально фигурой, как это построение является для различных тем в изображениях X—XI веков распространенным. Две из хранящихся в Лагурке иконы воспроизведены были еще в 1904 г. П. С. Уваровой в ее путешествии по Сванетии (МАК, т. X), но ее оценка их сегодня нас ни в коей мере не удовлетворяет уже: за истекшее полу столетие со времени обследования ею памятников Сванетии наше знание сделало гигантские шаги вперед, почему необходимо провести разыскание за-ново.

Просмотрим в этом направлении отдельные памятники.

Художественно самой выдающейся иконой св. Квирика, относимой мною к первой трети XI века, я считаю икону, воспроизведенную П. С.

ческого произведения древнейшей версии, т. е. предположительно отверженной Геласием и Никифором и нашим Евфимием Мтацминдели (см. Dillmann, 349, 341).

Повидимому, и в дальнейшем еще делались попытки переработки все той же первоначальной „еретической“ версии (Дилльман цитирует *Leggenda di Giuletta e Quirico* в книге М. Melga, *Quattro Leggende inedite del buon secolo della lingua, Napoli, 1857*).

¹ ჯბრთ. ლიტ. ისტ., I, გვ. 84, 146, 228, 240, 93; ср. также Цагарели, Памятн. груз. стар., стр. 202, 203, 206, 210; 199, 228.—Помимо 9 икон мон. Лагурка есть еще одна своеобразная в Муркмеди Ушгульского общ. и поздняя в Лацориа (Лечхуми).

Уваровой на табл. XXXI. 52. Она величиной $68 \times 48,5$ см, сплошь позолочена¹. Фронтально стоящая фигура святого помещена на гладком широком фоне, в котором вписана на линии плеч подпись крупными буквами в одну строку ԲՊ ԿՊ и затем мелкое определение в две строки, в правой части фона, ՂԻՂԹՈՒՆԵՇԻ , т. е. святой Квирике Гверулийский². Рама всей иконы состоит из украшенного внутреннего скоса и бортов с медальонами полуфигур в углах рамы и в центре каждой полосы. Отрезки бортов между медальонами заполнены законченным в себе декором из листиков в полукругах, расположенных столбцами в два ряда и соединенных между собой таким же приемом, как на бортах известной иконы Джуматского Георгия, вклада Вардана Варданисдзе, начала XI века³. Каждый из четырех бортов рамы обведен тонким чеканным зигзагом. Полуфигуры горизонтальных бортов даны фронтальными, а обе полуфигуры на вертикальных слегка повернуты к центральному изображению иконы.

Квирике изображен, как это выясняется другими его иконами (см. ниже), маленьким мальчиком с распущенными сзади локонами. Одет он богато в такую же одежду, которую на пророках Давиде и Соломоне бортов Охридской иконы благовещения середины XI века акад. Н. Кондаков описывал, как дивитисий с нашитой по низу широкой каймой, поверх которого наброшен сагий или мантия с нашитым спереди тавлием⁴. На Орхидском изображении Кондаков восполняет по изображению

¹ *Материалы по Археологии Кавказа*, т. X, Москва, 1904, стр. 106, 109, 171 (№ 127) и табл. XXXI. 52. Фото Ермакова № 17275 из экспедиции Е. С. Такайшвили 1910 года. Յ. ԹԱՅՎԱՆԻ ՄՅՈՒՆԻ. ԶՐԿԵՐԱԼՈՂՈՒԹՅՈՒՆԻ ԵՔՍԵԴԻՑԻՆ ԱՂԻՆՅԱՆՆԵՐՈՒՄԻ 1910 ՄՅԵԼՆ, ԿՅՐԻՆԻ, 1937, թ. 191, № 10. Нами обследована в экспедицию 1931 года, как и все остальные (25—26. VIII). П. С. Уварова считала борта иконы более древними—XI или XII века, а фигуру—XIII—XIV. Такайшвили считает всю икону сделанной одновременно и не позднее XIII века. Отмечаемой Д. М. Бакрадзе (Сванетия, *Записки Кавк. отд. РГО*, кн. VI, Т. 1864, стр. 117) надписи на нижнем борту не имеется, как указывает Е. С. Такайшвили, и для нее нет места, т. е. указание является следствием ошибки исследователя. Размеры указывает Е. С. Такайшвили 65×47 см, Уварова— $15 \times 10\frac{1}{2}$ в. (стр. 109) и $13 \times 10\frac{1}{2}$ в. (стр. 106). Переименовывая изображения в медальонах бортов, Уварова дает частично ошибочные обозначения.

² Еще Уварова приводила чтение, которое непосредственно, кажется, продиктованным незамкнутостью кружка буквы Պ (Կ)—«Гверцлийский». Однако, многочисленные примеры чеканных памятников X—XI вв. дают именно такое начертание буквы «О», отделяя от него прямоугольным контуром начертание буквы «ц». Отсутствие титла в этой подписи, нужное, если читать ՂԻՂԹՈՒՆԵՇԻ , для обозначения пропущенной между «ц» и «л» гласной, также говорит о единственно правильном чтении ՂԻՂԹՈՒՆԵՇԻ .

³ Воспроизведения ее помещены по фото Ермакова № 1992 у Н. Кондакова, и Д. М. Бакрадзе. *Опись памятников древности*, СПб., 1891, стр. 107, рис. 51; МАК X, стр. 105, рис. 26; Н. Detzel. *Christliche Ikonographie*, Bd. II, S. 370, Abb. 152.

⁴ Н. Кондаков. *Македония*, СПб., 1909, стр. 267, рис. 182 и 183 и табл. XII

Давида в знаменитой Парижской псалтыри расцветку и материал, считая нашивку дивитися из золотой ткани на пурпурной одежде, а тавлий парчевым и украшенным драгоценными камнями. На Кальском изображении Квирика как тавлий мантии, так и обшивка подола разделаны совершенно одинаково в сильной пластической трактовке, так что ни о каком красочном эквиваленте не приходит и мысли на ум. Одевание длинное, до шиколотки и подпоясано в талии; широкий рукав в кисти плотно стянут поручами, украшенными сходно с тавлием и нижней нашивкой. Голова дана строго фронтально, а в фигуре слегка намечая перевес влево, ибо центр тяжести перенесен на правую ногу и одежда прилегает справа к левой ноге. Кисть руки и особенно ступни ног даны с намерением отразить пропорции детской фигуры.

Квирике изображен, как я подчеркиваю на основании учета других его икон, маленьким мальчиком. Однако, непосредственно впечатление, которое производит это изображение на иконе, благодаря богатому одеянию, со знаками отличия, торжественной позе, скорее отвечает юноше. Впрочем при таком понимании выпадает из правильного соотношения кисть руки и особенно ступни обеих ног, которые непропорционально малы для взрослой фигуры, но отвечают пропорциям ребенка.

Вот это положение как бы разнобоя в нашей иконе, которое окончательно уяснится при рассмотрении третьей иконы в нашем ряду, получает надлежащее освещение из особенностей мученичества Квирике, сына Ивлиты. Но так как известны еще мученики Квирики (Qvirici), примерно, той же ранней поры христианства, взрослые—александрийский врач, замученный в 311 году и празднуемый католической церковью 31 января, а также римский диакон Кириак, один из 14 пособников, погребенный на Via Ostia в Риме при Марцелине (296—304) с праздником 8 августа и 7 июня, александрийский дружинник, ум. ок. 250 г. и празднуемый 6 сентября, еще другие, например, с памятью 18 января, 24 мая, 6 июля¹, то вставал вопрос: не есть ли это изображение одного из взрослых мучеников Кириков, тем более что на всех грузинских иконах, за одним исключением, изображается только Квирике, без матери Ивлиты. Но и само название монастыря „Лагурка“ отражает только одно его имя, как и в юридических документах целого теми, относящихся к 14—15 столетиям, имеется упоминание только *წმინდა კვირიკე კალისა*². А между тем праздник—15 июля—согласно установлению вселенской церкви. Интересно,

Более подробную характеристику дивитися или далматики Коңдаков дает в книге „Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века“. СПб., 1906, стр. 107—108.

¹ Ср. арх. Сергей. Полный месяцеслов Востока, т. II, в разных отделах книги.

² *ს. ი ბ ზ თ რ უ ვ ა. ს ვ ა ნ ე თ ის ს ა ის ტ ო რ ი ო ს ძ ე გ ლ ე ბ ი*, II, თბ. 1941, გვ. 70—71, №№ 70

что среди грузинских песнопений на 15 июля в честь Квирике и Ивлиги имеются в папирусно-пергаментной рукописи Саввинского монастыря (из собрания Порфирия Успенского¹) только упоминание Квирике².

Переходя к художественному анализу данного памятника, прежде всего нужно подчеркнуть сделанную на месте отметку о техническом выполнении иконы, которое совпадает с выполнением Цагерской мадонны, являющейся одним из выдающихся грузинских чеканных памятников начального XI-го века. При чем этот характер выполнения является общим не только в отношении больших гладких поверхностей, как лицо, части одежды, фон, сохранивших непосредственный отпечатокковки молотками, но и в проработке тавлия, нашивки, поручей и т. д., не щеголяющей четкостью и артистичностью исполнения деталей рисунка также, как и в орнаментации бортов, например, контуры листиков как бы вливаются или переливаются в гладкий фон. Т. е. повторение того же явления, которое имеет место на большом ряде памятников чеканки данной эпохи. К сожалению, верхняя часть иконы на фото Ермакова, как и в издании Уваровой снята немного не в фокусе, т. е. смазаны на них те мелкие детали, которые интересны для прослеживания.

Пластическая разработка фигуры ставит эту икону в общий ряд икон первой трети XI века, так как объем всей головы, овала лица и его отдельных частей, а также локонов, даны сильным, правильным закруглением и продуманной моделировкой. То же мастером дано даже в проработке голой шеи. Конечно, правая рука с крестиком сильно выделена, выдвинута объемно вперед против груди фигуры. Зато неясным осталось движение и форма скрытой под плащом левой руки, выдвинутой тоже вперед у пояса: выдается объемно только самый плащ, материя, образующая здесь нарастание складок, ступенчатость их. Как было уже попутно отмечено, тавлий, нашитый на груди на плаще, обшивка по низу одежды, а также брошенный на плечи и застегнутый слева плащ пластически выделяются. Узоры этих нашивок, реально нужно полагать создававшиеся вышивкой с частичной аппликацией из драгоценных камней и жемчуга,

¹ Ныне в Музее Грузии: Н. 2123 ж, на стр. 224 verso.

² Цагарели. Памятники грузинской старины в св. Земле и на Синае, СПб., 1888, стр. 161, № 29 (каталога рукописей Крестного монастыря). Еще упоминаются песнопения в Синайских рукописях (Марр. Описание, 1940, стр. 101 и 91), а также в календаре Иоанна-Зосимы (И. А. Джавахишвили. Описание рукописей Синайского монастыря, № 34—текст) и в парижском лекционари (фото в колл. Музея Грузии, Q 518, л. 263 г.). Последние питаты мне указал доц. Ил. Абуладзе. К. С. Кекелидзе упоминает песнопения Квирике и Ивлиги на 15 июля в рук. А. 596 начала XI века и на 16 июля в рк. Азиатского Музея № 123, переписанной в 1049 году (Литургические памятники, стр. 391 и 394).

нашим золотых дел мастером трактованы как собственно пластическое во всех деталях произведение¹.

Восприятие фигуры как скульптурного произведения, еще усилено и подчеркнуто широкой гладью фона, гладким же диском нимба и расположенным на большом отступе густо орнаментированным обрамлением. Это обособление фигуры в пространстве на иконе Квирикe выступает и воспринимается зрителем сильнее и непосредственнее сравнительно не только с изображением архангела из Чукули, где гладкие поверхности фона заняты крыльями², но даже и Георгия Ленджерского или Хидиставского³.

Построение рамы данной иконы Квирикe, как уже отмечено, совпадает в основном с рамой Джуматского Георгия, на которой оно развито с особой артистичностью и члененностью⁴. На иконе Квирикe основным удар лежит на растительных полосах, тогда как медальонам отведено только дополнительное место. Что касается самого рисунка листиков, то вариации его выражены в довольно узких рамках, количество вариантов не велико (основных 4 пары) и оно повторяется на симметрично расположенных частях рамы. Что касается пластического приема исполнения этого растительного орнамента, то было уже указано совпадение с трактовкой на Цагерской мадонне, что подтверждают и другие показатели этапа развития.

Полуфигуры в медальонах отражают—насколько сегодня уже об этом можно говорить—набор, особенно культивированный в Сванетии. По верхней горизонтали—архангелы в углах (без подписей) и Спас (აჲ ჰე) в центральном медальоне, а по нижней—три воина (წა თე—წა ღმტრე—წა გ'ი). На боках—апостолы Павел и Петр (წა პ'ვლე—წა პ'ტრ). Пластическая проработка в этих мелких полуфигурах (диаметр медальона са. 5,7 см) очень отчетливая, сознательная, хотя они и повторяют готовые образцы, которые были разработаны во всех деталях: для этого только стоит проследить отражение наложенных друг на друга объемов—державы, евангелия, жезла, копья или плаща, фибулы, лора и в особенности рук с их выразительной жестикуляцией и правильной пропорцией.

Мы имеем в этой иконе центрального для Сванетии монастыря, посвященного одному из любимых святых для расположенных на горных вершинах церквей, по всем данным продукт местной мастерской золотых дел. На это указывают, правда, только некоторые второстепенного значе-

¹ Ср. к этому Кондаков, Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI-го века, СПб., 1906, стр. 103.

² МАК, т. X, 1904, табл. XXX, 50 и фото Ермакова № 191 и 16861.

³ Ленджерская икона пешего св. Георгия из п. сел. Лаштхор имеется в фото Ермакова № 17010 из экспедиции Е. С. Такайшвили 1910 года.

⁴ Ближе к раме иконы Квирикa рама иконы Ушгульского Спаса из п. в Жибиави (МАК, X, табл. XXVIII_{а,б}), но она представляет скорее ремесленную реплику.

ния черты, но на то и был уровень мастерства по всей Грузии той передовой эпохи высокий. Простой узор украшения тавлия и нижней нашивки, обладающий привлекательной силой пластичности, повторяется еще на ряде примыкающих сванских икон. Недоработанность левой руки Квирике, скрытой под мантией, отношу тоже скорее за счет местной мастерской¹. Наконец, отражение этого произведения в ряде других икон Сванетии примыкающего времени изображающих Квирике, говорит за нахождение ее со времени создания же в Сванетии.

Вторая икона св. Квирике в том же монастыре (56,5 × 39,5 см, без позолоты)—технически четкая, хорошая работа, она заключена в раму из правильно разграфленной сети гвоздеобразного орнамента, как его обычно называют по почину П. С. Уваровой, а фон вокруг изображения покрыт равномерным нескончаемым орнаментом (*unendliche Rapport*)². Эти данные вместе с достаточной пластической объемностью фигуры Квирика и относительно хорошим качеством повторяемых в медальонах полуфигур (ср. нижний ряд) позволяет наметить датой исполнения XII век—первый, в который появляется, по имеющимся данным, гвоздеобразный орнамент на бортах³. А если принять во внимание „случайный“ характер набора изображений на раме, то учитывая другие моменты, как и разноразмерность в обрамлениях медальонов по раме, изготовление иконы в Сванетии—совершенно очевидный факт. На раме изображены по верхнему ряду: деисусная богоматерь, св. Димитрий мученик (? читается $\text{წ} - \text{წ} \text{ო} \text{ე}$), как и по нижнему ряду предыдущей иконы, и деисусный Креститель; по нижнему ряду три фронтальных изображения: Креститель ($\text{წ} \text{ო} \text{ბ} \text{თ} - \text{ვ} (?)$), оранта ($\text{წ} - \text{ბ} - (?)$), и—слегка в повороте—св. Григорий ($\text{წ} \text{ე} \text{გ} \text{ლ}$); в центре боковых полос прямоугольные гладкие отрезки со стоящими фигурами в три четверти в плащах, Павла (?) с крестом в руке и Петра со свитком.

Фигура Квирике представлена совершенно фронтально, обе ноги, видные с колен вниз в одежде в обтяжку, совершенно равномерно несут тяжесть тела. Также точно и обе руки, прижатые к корпусу и согнутые в локте, равномерно расположены на груди—правая с моленно раскрытой ладонью, а левая с зажатым крестиком. Одет Квирике в подпоясанный узким пояском и облегающий фигуру костюм с расширяющейся ниже пояса короткой юбочкой. Поверх надет длинный плащ, застегнутый на правом плече. Одежда и плащ оставляют всю шею оголенной. Как плащ, так и кос-

¹ К сожалению, дополнительное обозначение Квирике Гверулийским не удалось локализовать.

² Фото Ермакова № 17284 из экспедиции Е. С. Такайшвили 1910 года. ექ. თბ. უაბშვოლ. აბქელ. ექსპედიციის ლეხუბ-სვანეთში 1910 წ., 1937, გვ. 192, № 12. Он полагает, что икона относится к XIV веку.

³ На относительно древнее время указывает—сколько пока видно—также и применение зигзага для обрамления медальонов на бортах (здесь не всех).

нижнему борту даны святые воины—сохранились левый Георгий (წა ჳა) и средний Меркурий (წა მ'აკლე).

Данное изображение св. Квирике—первое из трех, которое можно воспринимать именно как фигуру маленького ребенка, т. е. пропорции маленьких ручек, небольших ног и соотношение корпуса к большой голове в иконе отражают пропорции построения ребенка. Этому помогает детское оформление лица с большими глазами, маленьким ртом, пухлыми губами, щечками и подбородком; наконец, расчесанные на голове волосы с отдельными локонами, спускающимися за ушами. От рассмотрения этой иконы становится понятным, как получились соответственные детали в трактовке головы предыдущей, а также и первой иконы с маленькими конечностями ее фигуры. В отличие от второй иконы построение головы третьей иконы отличалось как общей правильностью—высотой лба, размерами глаз, формой носа, губ и подбородка, а также, по всем остаткам судя, даже и ушей—, так и выразительной объемностью всей головы и ее частей, что сейчас можно умозаключить по ее смятым, выширяющим частям и по некоторым мелким моделирующим переходам. Характерно, что в показе прядей волос и отдельных локонов, мастер увлечен не течением линий, а передачей впечатления объемов. Также точно сплюсненности и полумы самой фигуры Квирика говорят о том, что икона вышла из мастерской с выявленной объемностью корпуса при плоскостном изображении плаща. Поза детской фигуры, ровно стоящей на обеих ножках, только в этой иконе приобретает характер известной убедительности. Таким образом, тот, казалось, недоосознанный мастером показ диспропорции, т. е. дефект в изображении Квирика даже первой иконы с несоответственно маленькими ручками и ножками, превращается по ознакомлению с этой третьей его иконой в отражение определенной художественной задачи, правда, не получившей ни только в первой и тем более второй, но даже и в третьей иконе законченного и четко говорящего выявления: именно задачи изобразить, согласно житию, ребенка трех лет.

Итак, пластическое выявление фигуры Квирике, частности исполнения ее, значительное приближение к задуманному художественному образу, а также целый ряд специфических частных, о которых подробнее ниже, позволяют думать о возможности отнесения и этой иконы, как и первой иконы Квирике, еще к XI веку. И противопоставление ее второй иконе Квирика, отнесенной с достаточным вероятием к XII веку, еще подкрепляет это определение.

Вторая и третья иконы Квирике являются по типу своему репликами одного общего образца. Однако, третья икона, сравнивая ее со второй, заставляет предполагать значительную самостоятельность мастера, смелость внесения им изменений в частностях и добавления деталей. Так, расположение плаща позади Квирике в одну ровную по низу линию, в параллель

к обрезаю его одежды, и особенно развѣтывание его только справа в сторону, в то время как слева равновесие этому композиционному построению создает маленькая фигурка колѣнопреклоненного Сгануниана, нужно отнести за счет мастера иконы. Повидимому, мастер чувствовал потребность оттенить между пластическим объемом головы Квирике и фоном выделенной из окружающего пространства фигуры диск нимба. Он, конечно, понимал его вполне материальным, и сделал относительно большим, начинающимся с плеч, как и у Джуматского Георгия, а не маленьким, подобно первой или второй иконе Квирика. Гладкой поверхности нимба с поднимающимся отделанным рантиком он противопоставил орнаментированную гравированным, крупного узора, украшением поверхность фона. Примененный им орнамент явно заимствован в готовом виде, ибо не только не подходит к конфигурации видимой части фона, но в разных местах так плохо организован, а иногда дает такую странную фигуру, что несомненно можно считать, что он позволил себе гравировать, внося в сделанную графью изменения ради ее „улучшения“. Впрочем, мне неизвестно других чеканных икон или иных предметов, где бы в фоне был применен этот, в памятниках грузинской архитектуры (кажется, уже в XI веке) встречающийся мотив орнаментальной резьбы¹. Этим же стремлением подчеркнуть, выделить нимбированную фигуру Квирика, мне кажется, вызвано у него покрытие пунсонными звездочками небес с выдвинутой десницей господина в правом верхнем углу иконы. Этот декоративный мотив, совпадающий с мотивом отделки нашивок одежды Квирика первой иконы, втягивает сегменты круга, изображающие небеса, в общий поток орнаментированного фона. Естественно, что при такой установке он для подписи не выделил особых щитков, а написал ее, правда, нарочито удлиненными и с тонкими стволами буквами прямо по орнаментированному фону (წა ჯჯ).

В деталях передачи костюма интересно и показательно для разных, выше определенных веков исполнения третьей и второй икон, отношение к ним мастеров. Складки камзола, изображенные горизонтально расположенными полукругами на третьей иконе, т. е. как бы отражающие складки в шелковом в обтяжку одеянии, при том данные с показом объемности складки, во второй иконе превращены просто в ритмический поток линий, расходящихся от среднего вертикального столба. Зато устремившись на показ такого же линейного течения в нижней юбочке костюма, мастер второй иконы—неожиданно, непреднамеренно для себя—выделил гладкими раструбы ее, расположенные над ногами, т. е. отразил объемность последних. Тогда как мастер третьей иконы в этом пункте, по-прежнему исполняя складки объемно, не согласовал гладкие, натянутые части материи по ногам, а пока-

¹ Уварова (стр. 118) тоже отмечает, что такой разделки фона она не встречала в иконах Сванетии, хотя обще упоминает, что «круги, пересекающиеся между собой, известны в византийском орнаменте XII столетия».

зал их по своему—допустимо, кажется, предположение: рисованному—образцу по сторонам. Третья икона передает бытовую, реальную деталь костюма, именно пуговицы по средней вышитой полосе костюма, чем последняя и мотивирована не только у Квирика, но и у заказчика иконы Сгануниана; на второй же иконе их нет, они опущены, вероятно, по непониманию зависимости самой нашивки от них. Также точно и место, где юбочка подшита к верхнему облегающему фигуру камзолу, совершенно ясно показанное выпуклым «швом» на третьей иконе, превратилось в повод сделать на второй иконе в центре этой линии декоративный фестон. Как одеты и обуты ноги Квирика второй иконы, определить нельзя—здесь дан линейный, симметричный рисунок. Иначе на третьей иконе, где нога от щиколотки вверх на некоторую высоту обтянута плетеными гетрами (как и на изображениях св. Георгия), а далее идут гладкие в обтяжку штаны, в верхней части которых половина („от шва“) имеет еще узорную нашивку. Эта деталь намечена также, как декоративный момент, на второй иконе Квирика и короткими линиями на ногах Сгануниана, облачение которых дано с тем упрощением, которое на второй иконе приводит к непонятности показанного в деталях.

Самостоятельность мастера третьей иконы в прикомпоновке частей сказывается в мотиве изобразить заказчика в моленной позе у ног Квирика. Аналогичное сочетание фигур для данной темы существовало независимо, конечно, от данного случая¹. Но наш мастер для размещения фигуры и ее моления убрал часть плаща Квирика. Само расположение Сгануниана не на коленях и не стоящего в рост, а как бы припадающего и пригибающегося к ногам Квирика, отличается от проскинезы византийских памятников и встречается еще в ряде случаев на сохранившихся в Сванетии чеканных иконах. Но для понимания нашим мастером скульптурной задачи эта, к сожалению, фрагментированная фигурка особенно ценна. Будучи примерно в 4 раза меньше фигуры Квирика, Сгануниан изображен с ногами и руками примерно в 2 раза только меньшими, чем руки, ноги и ступни Квирика. Т. е. в изображении этой фигуры мастер не только передал бытовую одежду заказчика, бытовую форму поклонения, но в построении пропорций фигуры отчетливо сознавал, что они у взрослого мужчины коренным образом отличны и эту разницу он сознательно передает. Фигура заказчика в сохранившейся части не потеряла основной своей объемности, которая хорошо показывает моделировку, примененную мастером. Естественно поэтому, что и отметки суставов и ногтей на руках Квирика, заметные по фото, и моделировку ладони нельзя игнорировать, а нужно учесть, как сознательный художественный под-

¹ Ср., например, византийскую слоновую кость в Kaiser-Friedrich-Museum; или мозаику в нартексе Софии Константинопольской.

ход. При таком понимании получает совсем иное освещение также факт правильной пропорциональности в полуфигурах, заполняющих медальоны на раме, на нашей третьей иконе, но также и на других, где они, следовательно, подтверждают, что фигуру Квирика и на них должно понимать, как маленького мальчика, не далеко ушедшего от указываемого житием трехлетнего возраста. Не безынтересно отметить, что на фигуре Сгануниана мастер нанес складки в ответ действительному расположению складок юбочки при показанном положении ног.

Для полноты определения нашей третьей иконы, как памятника эпохи высокого мастерства и творческого горения, каким мы считаем в грузинской чеканке XI век, и в частности для оттенения отличия ее в этом отношении от второй иконы, нужно еще коснуться примененной декоративной отделки и собственно технической стороны исполнения. Нашивки на груди и по низу юбочки, а также на штанах Квирика и на одежде заказчика разделаны правильным, равномерно наложенным рисунком сети, в каждом ромбе которой рельефно выступает гладкая поверхность. Мастер третьей иконы пропунсонил их точками, т. е. рельеф заменил рисунком. Наручи тоже украшены у Квирика старательно изображенным фестонном. Крестик в его левой руке дан не ровными полосками как на второй иконе, а с разработанными четырьмя концами и дополненной к нижнему из них ручкой—форма, к которой кажется можно привести параллели среди сохранившихся реальных предметов.

Наконец, техническая сторона исполнения иконы. К сожалению, при осмотре ее на месте я в этом направлении ничего касающегося основного изображения не записал. Но рассмотрение фотографии позволяет, во-первых, отметить, что складки плаща и одеяния Квирика, а также и заказчика иконы, переданы выступающим бугром с прочерчиванием борозд по обоим его сторонам. Т. е. хорошо прослеженный прием исполнения в значительном числе чеканных произведений первой трети XI века. Рядом с этим (в дополнение к заключению *ex silentio*), во-вторых, гладкие поверхности чеканки доведены до полной, полированной глади в отличие от первой, хотя бы, иконы Квирика. Т. е. особый артистический блеск в технике исполнения характерен для времени исполнения иконы, являющимся более продвинувшимся по сравнению со временем первой иконы.

Убор и исполнение рамы этой иконы, как отмечено, повидимому не противоречат всему изложенному.

Четвертая икона Квирика, которую нам надлежит рассмотреть, примерно тех же крупных размеров (56×42 см, позолочена), изображает его немного ниже пояса, фронтально, с руками на груди—левая с моленно развернутой ладонью, а в правой крестик на тонкой длинной ручке. Полуфигура изображена на гладком фоне, в котором сделана подпись ∇^2 J^3 , каждая буква и титло которой обведены и заполнены наколом то-

разца не отличается от такового четвертой иконы, то сам образец в трактовке фигуры не отличался теми качествами, гесп. тем интересом мастера к выявлению пластического объема фигуры, которые можно видеть в образце, повторенном в четвертой иконе. Важным для хронологического определения пятой иконы является применение все того же мотива звездочек с утолщением на концах лучей, который применен был на одежде Квирика первой иконы, и повторен затем на четвертой: связь предметов и хронологическая связь их между собой несомненны и очевидны. Т. е. не находя в этой пятой, как и в четвертой, иконе каких-либо творческих сторон, а только повторение чужих достижений, нельзя относить ее по всему комплексу элементов, из которых она скомпонована (борт, скос, гладкий фон, подпись на выделенных квадратах, гладкий нимб с внешним ободком, поза и костюм фигуры, узор нашивок, форма головы и прическа) к другому более позднему периоду, чем связанный с начальным XI веком, т. е., предельно говоря, отодвигать дальше начала XIII века. В этой полной фигуре Квирика, как и в предыдущей иконе с полуфигурой, интересно отметить замену пропорций младенческой фигуры на таковые взрослой: и руки, и ноги подогнаны к этой, в основном, отражающей взрослого фигуру, хотя она и дана, как нередко в иконах такого низкого, ремесленного качества, приземистой, низкой.

Шестая и седьмая иконы св. Квирика представляют его, как и четвертая икона полуфигурой. Но обе иконы небольшого размера— 22×15 и $22,3 \times 16,2$ см (позолочены),— в отличие от четвертой. Сохранность обеих икон плохая, особенно пострадали нижние части: у шестой выломаны части фигуры и значительные бортов, у седьмой—вся нижняя четверть погибла и частично набит другой (без позолоты) лист. Оборот этой седьмой иконы украшен гладким листом с изображением простого креста¹.

Для всех трех икон характерно изображение головы без локонов; затем крупные руки, т. е. пропорции взрослого. Повидимому, и странная деталь третьей иконы—идущие поперек фигуры от руки к руке полосы одежды—имеет свое соответствие на шестой и седьмой иконах. От украшенного оплечья спускается полоса, которая делает полукругами ответвления под руки фигуры. Конечно, и такое изображение оставляет в недоумении, что собственно этим передано.

¹ Шестая: фото Ермакова № 17283 (пятая икона снимка) из экспедиции Е. С. Такайшвили; *ეჭ. საეკლესიოლო, გვ. 199, № 51* (он считает икону XIV века, отмечая хорошее качество бортов и обрывок надписи по нижнему борту, не дающий данных). Седьмая: фото экспедиции 1931 года; *ეჭ. საეკლესიოლო, გვ. 205, № 1* (он говорит о грубой работе и отмечает, что Уварова, *МАК, X*, стр. 172, № 172, ошибочно сочла эту икону за изображение св. Варвары). Икона хранится не в монастыре, а внизу у подножия монастырской горы в церкви св. Варвары сел. Хэ.

Шестая икона вся сплющена на доске, т. е. лишена заливки. Между тем качественно она не плохого мастерства. В costume Квирика выделяются еще круглые нашивки на рукавах у плеч. Впрочем, повидимому, мантия слита с нижним одеянием в передаче иконы. Очертание головы и детали лица; гладкий с отделанным бортиком нимб; подпись в слегка прореченном сетью фоне иконы характерным очертанием букв и титла (წო ჯ); наконец, узор и выполнение бортов позволяют—мне кажется—считать эту икону еще близкой по времени к основным и относить ее (условно) к XI—XII веку¹.

Седьмая икона качественно значительно уступает. Она явно рядовая, массовая ремесленная продукция—на большой спрос. Этим можно пояснить как то, что и она позолочена, так особенно, что окован и украшен также и оборот. Была, естественно думать, поминальная запись заказчика, но за гибелью нижнего борта—это только предположение. В этой иконе гвоздеобразный узор бортов наложен уже не строго построенный, а случайно. Вместо 8 цезур в виде гладких круглых выпуклин, их здесь 12. Фон вокруг фигуры украшен гравированными разводами, а для подписи выделена полоса этикетки (წო ჯ). Особенно же изношенным от частого повторения является рисунок фигуры, в одежде которой имеются все частности и распределение одеяния Квирика шестой иконы, но исполнение их и орнаментальный узор—только ремесленное, внешнее повторение. Особенно забавно передана прическа Квирика. У обоих Квириков—шестой и седьмой икон—крест в левой руке, тогда как у четвертой—он в правой.

Помимо этих икон, описанных и проанализированных в зависимости от их художественных качеств и значения более или менее подробно, в монастыре Лагурка сохраняется еще один большой (70,3×49 см) образ Квирика, на этот раз изображающий обоих святых мучеников, т. е. и Квирика и мать его Ивлиту². Но образ этот является настолько далеким от „изобразительной“ передачи фигур этих святых, что требует совсем особого контекста изложения, почему не касаюсь его здесь³.

Рассмотренные чеканные изображения св. Квирика падают на сравнительно небольшой отрезок времени, начиная с художественных вершин

¹ Для начертания подписи имеющиеся в Кале и Ушгуле памятники дают параллели: икона Михаила архангела (фото Ермакова № 17290) примерно одних размеров с Квирике и такой же сетью фона и выносной небольшой крест (фото № 17370) в Ушгуле, являющийся, видимо, ближайшей параллелью к Ишханскому кресту 973 года.

² Фото Ермакова № 17297 из экспедиции Е. С. Такайшвили 1910 года.

³ Девятое изображение Квирике, имеющееся в том же монастыре, отштамповано четыре раза на небольшом кресте (31 см высоты и 23 см поперечина). Материала для использования его здесь—у меня нет.

раннего XI века. Отличительными в художественном смысле чертами их является с одной стороны отношение к проблеме пластичности фигуры, а с другой характер орнаментальных обрамлений и пр. Как сегодня более или менее уже выясняется, орнаментальная сторона дает в разных случаях возможность установления не только широких, но иногда и очень узких хронологических рамок. В частности это помогает при определении рассмотренных выше памятников.

Пластическая проблема изображения предметов и в особенности человеческих фигур, как мне приходилось неоднократно уже выяснять, совершенно ясно осознается в грузинском искусстве на грани X и XI веков. Поэтому в чеканке этого времени можно назвать много и чрезвычайно разнообразных, творчески выдающихся произведений. Как показал разбор икон Квирике, ни одна из них, правда, не может претендовать на оценку как выдающегося, законченного художественного произведения, хотя есть среди них некоторые достаточно высокие по качеству, но в каждой мы видим черты и общий подход, указывающие на то, что это реплика мастерского образца, реплика в одних случаях ремесленного, массового производства, в других еще очень индивидуальная, близкая к творческому образцу и потому художественно значительная.

Мы подошли, таким образом, к следующему, особенно важному для понимания художественной культуры Грузии XI века моменту: самостоятельности творческого решения. Из восьми имеющихся в нашем распоряжении отдельных чеканных произведений с изображением Квирика только шестая и седьмая иконы являются, действительно, воспроизведением одного и того же образца; но уже вторая и третья иконы, при всей близости одной части иконографических частных и особенностей, настолько расходятся в другой, что признать их прямым повторением общего образца невозможно. Таким образом, мы стоим перед фактом неестественности готовыми иконографическими шаблонами, перед фактом свободного творчества мастеров Грузии на заданную тему изобразить Квирика. В числе сохранившихся памятников рядом с высокого качества работами имеются рядовые, ремесленные реплики, исполненные уже в период утери—вновь—пластического чувства и пластических исканий при чеканке фигур. Однако, даже и эти памятники указывают теми или иными, отмеченными выше сторонами, что они повторяют разработанный в предыдущий период развития художественный тип, именно в короткий период, отмеченный яркостью искания и горения скульптурного восприятия, который в основном падает на XI век. Художественный тип Квирика, как сказано, в каждом почти из сохранившихся памятников—иной. Таких типов не менее пяти, а вернее считать семь. При этом одни даются полной фигурой, а другие по колена. Вторые не являются простой вырезкой бюста в медальон, а именно самостоятельной композицией; изображение же Квирика в медальо-

не встречается на бортах других икон¹. С одеждой первой иконы в общем совпадает, таковая пятой, хотя некоторые различия, как застежка плаща, отсутствие пояса, вместе с заменой курчавой шевелюры пробором с ровно расчесанными волосами, заставляет думать по меньшей мере о выделившемся, параллельном к первому образцу. От этого первого типа резко отличается тип третьей иконы по своему костюму. И при всем сходстве с ним костюма второй иконы, в отличие от костюма первого типа, между второй и третьей столько различия, хотя хронологически и качественно обе иконы еще достаточно близки друг другу, что нельзя не видеть свободного творчества, хотя бы предположив общность образца. Это сказывается и здесь в различии шевелюры. Третий тип—четвертая икона нашей серии—неполная фигура, в одежде вариант из известных по изображениям других святых и т. п., но непонятых, деталей, как перекинутые дуги ткани от руки к руке; курчавые волосы на голове не имеют низко спускающихся в стороны завитков детских локонов, как и пухлые щеки дегенерировали условным образом. Мне кажется, что опять самостоятельный, четвертый, тип послужил образцом для делавших шестую и седьмую иконы мастеров: разделка одежды по типу лоратных архангельских облачений и даже с нашитыми на рукавах ниже плеча кружками; крест мученичества в левой руке, как во втором типе, но не в первом или третьем, и развернутая ладонью оранта правая кисть. К этому интересно еще оттенить, что на двух иконах (третьей и четвертой), т. е. в одной второго и в третьем типах из угла поля выдвинута благословляющая из небес „десница господи“².

Таким образом рассмотренные примеры говорят о том, что никакого отработанного, утвержденного, принятого одного типа изображения Квирике к XI веку не было известно—по крайней мере в Грузии. Я нашел одно только указание на изображение Квирике и Ивлиты (Улиты) в Новгородской росписи конца XII века церкви Спас-Нередицы (неполной фигурой?); к сожалению, в издании росписи их нет³. Как можно, кажется, с достаточной уверенностью предположить, мастера-чеканщики Грузии сами создают художественный образ Квирике, отталкиваясь от скудных и сухих данных его жития. Перед нами случай, когда уже полностью заново формируется тип, а не только используется или перерабатывается существующий в византийском искусстве для того или иного изображения тип, например, архангелов, или воинов, как Георгия, Димитрия, Федора, и т. п. И построение икон Квирике, направленное на выявление скульптурности

¹ При этом и тут значительны расхождения. напр., между медальоном в углу борта иконы Ипарского Георгия работы Асана (фото №17254) с его повторениями и медальоном иконы Б. М. из Жибини (фото № 17312).

² Самостоятельное решение типа нужно, повидимому, признать и в восьмой иконе.

³ Я не говорю, конечно, о грузинских росписях той же Сванетии—в Илрари и в мон. Лагурка; или в Паракети и Бетлеви (Рача) или даже на „столпу“ во Мцхетском кафедрале.

фигуры, и своеобразная комбинация из орнаментальных мотивов и полуфигур или иных медальонов, и даже мелочи в роде размещения и выполнения надписей поддерживают оригинальность их творчества в Грузии.

Появление потребности в создании зрительно воспринимаемого, художественного образа Квирика в рассматриваемую эпоху совершенно естественно, ибо, как было отмечено, культ Квирике несомненно имел широкое распространение в IX, X, XI вв. в феодальных верхах Грузии. Это хорошо засвидетельствовано даже случайными литературными упоминаниями. Признанная церковью версия его мученичества, носящая имя Федора иконийского, как автора, имеется в грузинском переводе во всяком случае уже в X веке. Естественным является при всем этом исполнение икон Квирике по заказу носивших его имя и строивших в честь его церкви для установки этих икон в церквях.

При всем различии типов проходящими элементами являются те три общих момента жития, на которые было указано после приведения его текста: Квирике—ребенок, царского происхождения, мученик веры. Они, однако, не отличаются специфической характерностью. Вот почему, мне кажется, получилось такое разнообразие, свобода решений. Теми же тремя моментами определяются некоторые одинаковые по существу, но не по приданной им форме и воплощению черты изображений, как локоны, пухлые щечки ребенка, поза стояния.

Нельзя также пройти без внимания мимо известного учета мастерами того художественного решения, которое имелось уже в лучше сделанных, в ранее сделанных и сделанных выдающимися мастерами скульптуры XI века иконах Квирике—как нужно предполагать, вероятнее всего сделанных в центральных районах Грузии, а не в Сванетии. Поэтому легкие отзвуки отдельных черт первой, третьей, даже четвертой, икон нашего ряда в других, отмеченные при разборе их, а также даже в восьмой, создают известную связь, намечают возможность выработки своей традиции в изображении, т. е. образование иконографических типов. (Вот, почему в частности интересно, как изображен Кирик в церкви Спас-Нередицы). Исполнение же всех рассмотренных чеканных икон Квирике в Сванетии является для исследователя прошлого грузинской культуры исключительно знаменательным фактом, так как он отражает общность художественной культуры, большую ее традицию. Вместе с тем эта группа сванских чеканных произведений искусства XI—XIII веков сможет послужить важным подспорьем в изучении и определении памятников чеканки, сохранившихся в Сванетии в редком изобилии и разнообразии форм.